I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТОЛОГИИ

УДК 802/809.1

Ю.Н. Караулов, И.В. Ружицкий

ОТ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ К ПОЗНАНИЮ ЕГО МИРА: О НЕКОТОРЫХ БАЗОВЫХ КОНЦЕПТАХ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО[1]

Статья посвящена некоторым базовым положениям концепции «Словаря языка Достоевского», которые с момента ее создания претерпели некоторые изменения. Показаны критерии выявления единиц описания в Словаре, идиоглосс, их взаимосвязь с концептосферой Достоевского. Предложена методика построения авторского тезауруса.

Ключевые слова: *Словарь языка Достоевского, языковая личность, тезаурус, символическое значение слова, концепт, идиоглосса.*

Составление «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий» [СЯД 2008; 2010; 2012] достигло своей кульминации: издано три его тома (буквы А–В, Г–З и И–М), подготовлены словарные статьи для следующих двух томов. От первоначальной идеи концепции Словаря (создания дифференциально-распределительного словаря-серии) его авторам по разным причинам (и в силу развития самой концепции, и по чисто техническим сложностям) пришлось отказаться, одновременно с этим существенно изменились отдельные теоретические положения, важные для построения Идиоглоссария: комментарий к словарной статье стал не факультативным, но обязательным; многие его зоны получили теоретическое обоснование; в комментарий были включены как новые зоны, так и примечания к зонам, в которых фиксируются такие особенности употребления слова у Достоевского, как, например, «в составе отсылки к прецедентному тексту», «в амплификации» и др. Неизменным, однако, осталось базовое положение Словаря – предметом описания в нем являются лексические единицы, несущие концептуальное содержание и характеризующие особенности индивидуального стиля Достоевского. Опыт работы над Словарем показывает, что нет смысла включать в словник подряд все лексические единицы, встретившиеся в текстах писателя. Поскольку одной из основных функций языкового мышления, определяющей процесс познания в целом, является редуцирование, т.е. сведение – путем генерализации и исключения частностей – всего разнообразия слов и смыслов к единому концептуальному ядру, перед исследователями встает задача выявления этого ядра, которое, по-видимому, должно обладать порождающим потенциалом. Иными словами, знание о составе этого ядра и его устройстве позволяет выносить суждения о картине мира писателя и реконструировать ее. Такой переход от статистически полного словника к редуцированной когнитивной праструктуре языка писателя осуществляется с помощью введения понятия идиоглоссы. Идиоглоссы – это концептуальные образования, из которых складывается картина мира, и одновременно – единицы, вбирающие в себя специфику авторского стиля. «...Они представляют собой тезаурусообразующие понятия, являясь элементами субъективного авторского образа мира, авторского мировидения; по отношению к тексту они выполняют роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свернутом виде содержание конкретного текста; в силу повторяемости, сквозного характера они являются единицами индивидуального авторского лексикона, однозначным и неповторимым образом характеризуя его идиолект. Способ их существования и поведения в тексте определяется тем, что идиоглоссы образуют в пространстве текста точки концентрации смысла, своеобразные центры, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля. Каждая идиоглосса в тексте существует, будучи погруженной в определенным образом ориентированное ассоциативное пространст-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00135 «Многопараметровое представление тезауруса Достоевского» (руководитель – Ю.Н. Караулов).

во» [СЯД 2001: XXXVI]. Таким образом, редукция полного словника к словнику идиоглосс результируется построением «Идиоглоссария» Достоевского, который, по замыслу составителей, воплощает праструктуру языка писателя, содержит «алфавит» авторских идей и образов и обладает порождающей силой, т.к. в ходе лексикографического описания идиоглосс в иллюстративных цитатах и в отдельных зонах комментария к словарной статье активизируется и полный словник авторского идиолекта, т.е. оказываются зафиксированными практически все слова, употребленные Достоевским. Для верификации идиоглоссного статуса слова разработана специальная методика, состоящая из следующих шагов: (1) коллективное прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль (т.е. своего рода метод экспертных оценок); (2) использование данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые; (3) учет вхождения слова в название произведения или в название какой-либо его части; (4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, использование слова в игровом контексте, учет других лексикографических параметров; (5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; (6) верификация полученного списка идиоглосс путем пилотажного опроса [Ружицкий 2015: 48]. Отметим, что частота употребления слова, при всей ее несомненной значимости, принимается нами как факультативный параметр: в текстах Достоевского встречаются низкочастотные единицы, которые, тем не менее, являются идиоглоссами, например, *маска, зонтик, всечеловеческий, всечеловек* и др.

Мы рассматриваем писателя как целостную (несмотря на многообразие возможных «миров» и различие «языков» его персонажей) языковую личность (далее – ЯЛ), что создает условия для прочтения всех текстов Достоевского как единого, непрерывного дискурса, как итога функционирования ЯЛ, отражающего все уровни ее структуры – вербально-грамматический, когнитивный и прагматический. Структура словарной статьи в целом ориентирована на реконструкцию картины мира писателя, зоны комментария к словарной статье по существу являются показателями, характеризующими ЯЛ как таковую. Или иначе – ЯЛ как методологический принцип построения Словаря задает те аспекты употребления языка, которые должны найти отражение в лексикографическом описании. Все множество зон и субзон комментария, таким образом, классифицируется в три группы, соответствующие уровням организации ЯЛ: грамматические единицы, синтаксические и семантические отношения (морфологические особенности слова, неразличение разных значений в одном употреблении слова, мотивационные отношения слов одного словообразовательного гнезда в одном предложении, сочетаемость слов); когнитивные элементы, непосредственно относящиеся к картине мира (афоризмы, пословицы, отсылки к прецедентным текстам, тропы, употребление слова в символическом значении и т.п.); наконец, прагматические характеристики соответствующей идиоглоссы (употребление слова в ироническом контексте, использование в языковой игре и др.). Вполне естественным представляется тот факт, что границы между зонами комментария весьма условны: это определяется взаимосвязью и взаимопроникновением уровней ЯЛ. Соответственно, весьма разнообразная и богатая информация, сконцентрированная в словарной статье, будет находить различные применения в изучении творчества Достоевского, каждый исследователь, занимающийся данной проблематикой, найдет в Словаре что-то полезное для себя.

Остановимся на таком критерии подтверждения у слова идиоглоссного статуса, как его вхождение в отдельные зоны комментария к словарной статье, отражающие определенные особенности данных уровней ЯЛ.

На этапе экспертных оценок, еще в самом начале работы над Идиоглоссарием, когда составлялся его исходный словник, проводился своеобразный эксперимент: участникам коллективного прочтения какого-то текста Достоевского задавался вопрос, почему слово ими было выделено как значимое, характерное для идиостиля писателя. Объяснением чаще всего служила особенность сочетаемости предполагаемой идиоглоссы, то, что в словаре фиксируется в зонах комментария СЧТ1, СЧТ2 и НСТ, подчинительных и сочинительных связей (гипотаксиса и паратаксиса), а также нестандартной сочетаемости. Так, например, в словник были вынесены наречные интенсификаторы *чрезвычайно, колоссально, очень, сильно, страшно, ужасно, толсто, отлично, хорошо* и т.п.: [Антоныч молодому арестанту]

Знать, ты толсто знаешь! (Записки из Мертвого дома, с. 25[1]); *Но дело в том, что с Хохлаковой он* [Д. Карамазов] *в последний месяц совсем почти раззнакомился, да и прежде знаком был мало и, сверх того, очень знал, что и сама она его терпеть не может* (Братья Карамазовы, т. 14, с. 346); *Вы отлично хорошо знаете, что нет! – с сердцем сказала Полина* [Алексею Ивановичу] (Игрок, с. 213); *Он* [Раскольников] *очень хорошо знал, он отлично хорошо знал, что они* [Кох и другие], *в это мгновение, уже в квартире <…>* (Преступление и наказание, с. 69); [Н.Н. Страхову] *Это не значит вовсе, что я не думаю о моей повести в «Зарю»; думаю, очень думаю и во что бы то ни было поставлю* (Письма, т. 29.1, с. 187); [В.М., С.А. и М.А. Ивановым] *<…> об чем я ужасно думаю и об чем я хоть и ничего почти не знаю подробно <…>* (Письма, т. 28.2, с. 254); [Аркадий] *Сам он* [Ламберт] *очень молчал <…>* (Подросток, с. 276). Особенно много таких сочетаний мы находим в романе «Подросток», в дискурсе Аркадия, что, конечно же, не случайно: это единственный из крупных романов Достоевского, написанный от лица персонажа, отсюда и различные языковые способы отражения особенностей этого характера, в том числе и необычное употребление наречных интенсификаторов: *очень молчавший, все вдруг густо зашевелились, сильно думал, отлично хорошо понимал, очень поцеловались, горячо прислушивались, очень знал, слишком знаю, очень молчал, слишком видел, слишком думал, очень слушала, слишком понимаю* и др., и при этом – ни одного повтора, что, в частности, показывает не просто тщательную выверенность стиля, но и сознательность использования такого рода нестандартных сочетаний.

По отдельности наречные интенсификаторы не несут какой-либо когнитивной нагрузки, но, тем не менее, в их употреблении заключается своеобразие языка Достоевского. Здесь мы видим частный случай склонности писателя к постоянному усилению – оттенка значения, смысла, идеи. Эту же функцию у Достоевского выполняет давно замеченная исследователями амплификация («плетение словес»), использование близких по значению слов в одном синонимическом ряду: *Ночь была ужасная, ноябрьская, – мокрая, туманная, дождливая, снежливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всех возможных родов и сортов – одним словом, всеми дарами петербургского ноября* (Двойник, с. 138); [Аркадий Ламберту] *Потому что этакая насильственная, дикая любовь действует как припадок, как мертвая петля, как болезнь, и – чуть достиг удовлетворения – тотчас же упадает пелена и является противоположное чувство: отвращение и ненависть, желание истребить, раздавить* (Подросток, с. 420); *<…> слышали лишь крики озлобления, отмщения, крики долго таившейся ненависти* (Братья Карамазовы, т. 14, с. 159).

Своего рода компенсаторную усилению функцию у Достоевского выполняет неопределенность, проявляющаяся, например, в частом употреблении *как бы* и *как будто* [Караулов 1996]: *<…> некоторая злорадная аллегория, некоторая как бы ненависть к ожиданиям этих женщин, некоторая злоба к их правам и к их суду <…>* (Подросток, с. 446); [Лебедев князю Мышкину о Настасье Филипповне] *Как бы все ищет чего-то, как бы потеряла что-то* (Идиот, с. 167); *<…> в минуту самых сильных рыданий он, Исай Фомич,* ***должен вдруг***[2]*, как бы невзначай, вспомнить (это* ***вдруг*** *тоже предписано законом), что есть пророчество о возвращении евреев в Иерусалим* (Записки из Мертвого дом, с. 95); *Но что-то было в нем* [Раскольникове] *очень странное; во взгляде его светилась как будто даже восторженность, – пожалуй, был и смысл и ум, – но в то же время мелькало как будто и безумие* (Преступление и наказание, с. 12).

Сравнив частотные показатели в употреблении ***бы*** у Пушкина и Достоевского, мы отметили следующий факт: «<…> только сопоставление двух цифр – 1695 ***бы*** в произведениях Пушкина и 16338 ***бы*** (десятикратное увеличение!) в текстах Достоевского. Притом что объем словника словаря Достоевского лишь на 30 % превышает объем словника словаря Пушкина: 35 тысяч слов против 22 тысяч. Ренессансная личность поэта, мировосприятие и взаимодействие которого с миром обладало высокой степенью ясности и определенности, не в первую очередь нуждалась в языковых средствах, передающих амбивалентность оценок, двойственность суждений, сомнения в себе и в "другом", непрекращающийся спор рассказчика с самим собой и т.п. Все это – принадлежность "сослагательного" мира Достоевского, вероятностного мира, не кончающегося становления, где частице ***бы*** отведена определенная роль. И эта роль – не просто художественный прием, не

[1] Здесь и далее нумерация томов и страниц дается по [Достоевский 1972–1990].

[2] Жирным шрифтом выделен курсив Достоевского.

просто одно из средств, создающих качество диалогичности романов писателя. Это намного опередившая свое время мировоззренческая позиция художника, которая через 100 лет после его смерти находит научное и философское раскрытие и продолжение в синергетике <…>» [Караулов 2014: 117]. Это уже отражение прагматического уровня ЯЛ, реализация авторских интенций. «Эйдос Достоевского, таким образом, сконцентрирован вокруг неопределенности и рефлексивного усиления, находящих отражение в большинстве используемых автором языковых средств» [Ружицкий 2015: 271]. «Насыщенность» у Достоевского часто происходит и по отношению к средствам выражения неопределенности, например, в следующем контексте, где мы три раза встречаем *какой-нибудь*, оговорку *примерно говоря* и излюбленное писателем *как будто*: [Девушкин] *Ну, посмотрим, что там такое в этих домах? Там в каком-нибудь дымном углу, в конуре сырой какой-нибудь, которая, по нужде, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь от сна пробудился; а во сне-то ему, примерно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера он подрезал нечаянно, как будто такая дрянь и должна человеку сниться!* (Бедные люди, с. 88).

Другим объяснением принадлежности слова Достоевского к идиоглоссам в ходе прохождения этапа экспертных оценок послужило его автонимное употребление, употребление в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, а также использование слова в символическом значении (в зонах комментария к словарной статье «Словаря языка Достоевского» это находит отражение в зонах АВТН, АФРЗ и СМВЛ). Это уже непосредственное проявление когнитивной сущности идиоглосс, часто представляющих собой слова-концепты, ядерные элементы авторского тезауруса.

Об особенности стиля Достоевского, заключающейся в своеобразном авторском толковании значений используемых слов, писал еще В.В. Виноградов, говоря о том, что в контексте в данном случае обозначаются семантические признаки, свойства денотата какого-либо объекта или понятия [Виноградов 1976]. Под автонимностью мы понимаем авторскую рефлексию над значением используемой лексической единицы [Ружицкий 2010а: IX], индикаторами автонимного употребления могут быть кавычки, курсив, пояснительный союз *то есть*, риторический вопрос и др.: [Версилов] *Слово «честь» значит долг* <...> (Подросток, с. 177); [Из «Жития старца Зосимы»] *Отцы и учители, мыслю: «что есть ад?» Рассуждаю так: «Страдание о том, что нельзя уже более любить»* (Братья Карамазовы, т. 14, с. 292); *Образить – словцо народное, дать образ, восстановить в человеке образ человеческий* (Дневник писателя, т. 22, с. 26). Вполне естественно предположить, что если слово в тексте выделено автором и при этом комментируется его значение, то уже только в силу этого данная лексическая единица представляется писателю важной. Слова, употребляемые автонимно, занимают в тезаурусе Достоевского особое место, образуя своеобразный лексический пласт, в сжатой форме отражающий писательское мировосприятие.

Очевидно, что наиболее явно когнитивный потенциал идиоглоссы проявляется в ее использовании в качестве смыслового ядра высказываний афористического типа. В нашем понимании афоризм – это разновидность генерализованного высказывания, обладающего следующими свойствами: 1) указанием на авторство; 2) нетривиальностью, часто – парадоксальностью выражаемой мысли; 3) краткостью. Все эти свойства являются в той или иной степени относительными: автор речения может быть забыт, нетривиальность, периодически воспроизводимая, становится банальностью, а «длина» афоризма может сокращаться до трех знаменательных слов или расширяться до нескольких предложений. Афоризм, между тем, не перестает быть афоризмом, своеобразной когнемой, единицей знания, отличаясь по своим свойствам и функциям от других единиц подобного рода – пословиц, крылатых выражений, устойчивых научных формул, сентенций, максим и др. [Ружицкий 2015: 224; о понятии «когнема» см.: Караулов, Филиппович 2009]. На настоящем этапе работы над Словарем выявлено порядка 1600 афоризмов, большая часть которых группируется вокруг концепта ЧЕЛОВЕК, это соответствует и словам самого автора о том, что именно внутренний мир человека представляет для него наибольший интерес. Н.А. Бердяев писал, что у Достоевского ничего и нет кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему [Бердяев 2001]. Статистический анализ также показывает, что степень афористичности идиоглоссы *человек* у Достоевского намного выше степени афористичности других идиоглосс, что еще больше усиливается относительно высокой частотой слов *человеческий, человечество* и *люди*. Это такие высказывания Достоевского, как: [Горянчиков] *Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее*

его определение (Записки из Мертвого дома, с. 10); [Парадоксалист] <...> *человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт* (Записки из подполья, с. 119); [Версилов Аркадию] *Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно <...> человек создан с физическою невозможностью любить своего ближнего* (Подросток, с. 175); [М.М. Достоевскому] *Человек есть тайна, ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком* (Письма, т. 28.1, с. 63) и мн. др. Таким образом, следует предположить, что именно идиоглосса *человек (человеческий, человечество, люди)* образует концептуальное ядро тезауруса Достоевского, являясь своего рода архиконцептом, объединяющим другие концептуальные сферы. Другие часто употребляемые в афоризмах Достоевского идиоглоссы, это: (1) *жизнь, знать, идея, любовь, любить, мысль, народ, один, русский, сердце* (относительная частота употребления более 15 процентов); (2) *Бог, великий, время, всякий, высший, дело, душа, жить, мир, общество, чувство* (от 10 до 15 процентов); *большой, век, вера, вещь, главный, говорить, деньги, дети, добро, достоинство, друг, дорогой, дух, женщина, закон, земля, зло, идеал, иметь, иногда, истина, красота, настоящий, непременно, никогда, нравственный, первый, почти, правда, природа, Россия, свет, сила, сильный, сказать, слово, смешной, способность, страдание, счастье, ум, хороший, чрезвычайно* (от 5 до 10 процентов), которые, по всей видимости, и являются одними из основных способов вербализации базовых концептов Достоевского на лексическом уровне его идиолекта.

Идея идеографической классификации идиоглосс появилась сразу после составления их базового алфавитного словника. Одновременно с этим возникла теоретическая проблема, состоящая в определении основ конструирования тезауруса этих ключевых для идиостиля Достоевского единиц. Конечно, можно было бы взять за основу построения тезауруса Достоевского какую-то из уже существующих моделей – П.М. Роже, Х. Касареса, Л.Г. Бабенко, В.В. Морковкина, Н.Ю. Шведовой, О.С. Баранова или другую и сгруппировать идиоглоссы в соответствии с выделяемыми в них семантическими полями и лексическими классами. Такое объединение идиоглосс, безусловно, представляло бы собой некоторую эвристическую ценность, но очень мало отражало бы особенности авторской языковой картины мира. По крайней мере применительно к художественной картине мира Достоевского, многими исследователями его творчества в качестве одной из основных особенностей авторского стиля отмечался интерес писателя к различного рода символам, объясняемый самыми разными причинами, наиболее очевидной из которых нам представляется стремление отразить мир во всех его противоположностях, противопоставить образ, задаваемый символом, логическому «сознанию» [Зыховская 1997: 215]. Символы, таким образом, могут занимать особое – центральное – место в картине мира автора художественного текста, и слова, употребляемые в символическом значении, следовательно, целесообразно рассматривать в качестве своеобразных ядерных элементов, организующих авторский тезаурус, совокупность иерархически организованных семантических полей. Важнейшим свойством символа является возможность слов с конкретной семантикой в определенном контексте выражать абстрактные значения. Можно высказать предположение о том, что чем конкретнее семантика слова, тем большим семантическим потенциалом оно обладает, из чего следует, что любое слово с конкретным значением в определенном контексте (отдельного произведения или всего творчества в целом) может стать символом. У Достоевского символическое значение приобретают такие слова с конкретной семантикой, как *кафтан, платок, платье, порог, топор, процент, белье, крюк (крючок), баня (банька), большая дорога, Америка* и т.п. Предельно конкретная семантика – у имен, названий, чисел. Естественно, что слова, их обозначающие, употребляются символически, с помощью них автор задает некий шифр, код, условный вещный опознавательный знак, который и предстоит разгадать и понять читателю, а вслед за этим – выйти на понимание идеи всего произведения [Ружицкий 2010б]. Символическое значение может задаваться не только словом, но и словосочетанием (*зеленый драдедамовый платок, бьющаяся об оконное стекло муха* и т.п.), описанием какого-либо художественного полотна, самим названием картины (Мертвый Христос» Гольбейна, «Сикстинская Мадонна», «Пейзаж с Асисом и Галатеей» и др.), датой какого-то значимого события (*1861 год, религиозные праздники* и т.п.).

Всего лексических единиц, выполняющих у Достоевского функцию символизации, порядка шестидесяти, и большинство из них группируется вокруг архиконцептов, образующих бинарные отношения: ЖИЗНЬ ↔ СМЕРТЬ (эта оппозиция оп-

ределяет концепт ВРЕМЯ), ЖИЗНЬ ↔ ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ ↔ СТРАХ, СМЕРТЬ ↔ СТРАХ. Возможны также и отношения ЖИЗНЬ ↔ СТРАХ и ЛЮБОВЬ ↔ СМЕРТЬ, но это скорее патологические случаи: страх перед жизнью и любовь, влекущая за собой смерть. Пятым архиконцептом, вступающим, с одной стороны, в отношения с концептом ЛЮБОВЬ, с другой – с концептом СМЕРТЬ, является БОЛЕЗНЬ (СТРАДАНИЕ), образующий бинарную оппозицию с концептом СМЕХ, который в картине мира Достоевского никак не символизируется, но, тем не менее, во многом ее определяет. Центральное же место, как было отмечено выше, в тезаурусе Достоевского занимает ЧЕЛОВЕК. Собственно говоря, ЧЕЛОВЕК у Достоевского и представлен в основном шестью упомянутыми ипостасями, именно эти шесть концептуальных полей объединяют большую часть идиоглосс, входящих в словник Словаря языка Достоевского (подробнее см.: [Ружицкий 2015]).

Предлагаемый способ конструирования тезауруса Достоевского, по всей видимости, не является единственно возможным, однако он представляет собой результат тщательного изучения функционирования идиоглосс в текстах Достоевского, их ближних и дальних синтагматических связей, паратаксиса и ассоциативного окружения, когнитивного потенциала.

В заключение необходимо отметить следующее. Один из методологических принципов, положенных в основу концепции Словаря языка Достоевского, обусловлен учетом специфики современного читателя, который на протяжении полутора веков не оставался одним и тем же, другими становились его вкусы и предпочтения, менялись этические представления, эволюционировали эстетические критерии. Позицию читателя, отделенного от нашего времени столетней давностью, передает Б. Грифцов, отмечая в своей статье 1921 г., что для такого читателя характерна прежде всего «взволнованность произведениями Достоевского», живое впечатление от «характеров вполне русских», сильное потому, что в «романах Достоевского говорится об умных вещах, о таких существенных проблемах, как *преступление, свобода, Россия и Европа, бессмертие, личность и общество*» [курсив наш – Ю.К., И.Р.]. Однако «мировоззрение [Достоевского] далеко не так оригинально, как художественные его произведения, абстрактные идеи в существе своем достаточно успокоены и успокоительны» [Грифцов 2005: 193]. И далее, развивая такую оценку и как бы оправдывая этого подвергнутого апатии (т.е. не заинтересованного и не участвующего в общественно-политической жизни) читателя, Б. Грифцов продолжает: «Достоевский вовсе не мыслитель, который всем своим творчеством обновляет дряхлый организм общих и примирительных рассуждений, и тем более не порождение каких-то там 40-х или 60-х годов, но огромный мастер, исключительный художник. Приемы его мастерства не к прошлому, не к миновавшей точке истории обращены, но к большому искусству...» [Грифцов 2005: 206]. Полный контраст с портретом читателя столетней давности представляет читатель середины и второй половины XX в., которому интересен в первую очередь Достоевский-мыслитель. Это уже, как правило, читатель-интеллектуал, человек, который читает книги не ради развлечения, а чтобы «узнать о существовании многих разных целей и смыслов жизни, и через это знание стать автономной личностью...» [Рорти 2003: 35]. Этому читателю открылось то, что было неочевидным для его предшественников: за испытанием у Достоевского пределов человеческого воображения отчетливо просматривается общая утопическая сверхидея – поиски «лучшего человека», «лучших людей», которые и приведут мир к праведному всемирному обществу. Этот лучший человек, по Достоевскому, будет, конечно, русским. И читатель современный, начала XXI века. Для него важен и Достоевский-мыслитель, быть может, единственный интересный для настоящего времени русский философ, во многом предсказавший последние политические события в мире (например, в отношении славянских государств), и Достоевский-художник, психолог, с книгами которого (конечно, это во многом связано с реинтерпретациями произведений Достоевского в кинематографе) мы можем представить себе даже пассажира метро, что было практически невозможно каких-нибудь двадцать лет назад.

Независимо от этого диахронического фактора, обусловливающего различия читательского восприятия, концептуальное ядро картины мира Достоевского неизменно, а сделанные в статье наблюдения призваны показать, что словарь языка писателя способен выполнять не только справочные функции, но и быть эффективным инструментом познания особенностей авторского стиля, его языковой личности.

Список литературы

Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Захаров, 2001.

Виноградов В.В. Эволюция русского натурализма: К морфологии натурального стиля (опыт лингвистического анализа петербургской поэмы

«Двойник») // В.В. Виноградов. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1976. С. 101-140.

Грифцов Б. Эстетический канон Достоевского // Вопросы литературы. 2005. № 2. С. 191-208.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Зыховская Н.Л. Символ // Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев; науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск: Металл, 1997. С. 214-215.

Караулов Ю.Н. Предикация и неопределенность? // Словарь. Грамматика. Текст: сборник статей учеников Н.Ю. Шведовой. М.: Ин-т русского языка, 1996. С. 387-395.

Караулов Ю.Н. От словаря языка писателя к познанию его мира // Слово Достоевского–2014. Идиостиль и картина мира: коллективная монография / под общ. ред. Е.А. Осокиной. М.: ЛЕКСРУС, 2014. С. 115-131.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009.

Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30-42.

Ружицкий И.В. Вместо предисловия // Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010а. С. VIII–XVII.

Ружицкий И.В. От символической картины мира к тезаурусу (о возможности реконструкции языковой личности Достоевского) // Русский язык@Литература@Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: материалы I международной научно-практической интернет-конференции. М.: МАКС Пресс, 2010б. С. 373-381.

Ружицкий И.В. Идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. М.: ЛЕКСРУС, 2015.

СЯД 2001 – Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. Вып. I. М.: Азбуковник, 2001.

СЯД 2008 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008.

СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010.

СЯД 2012 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012.

Yu.N. Karaulov, I.V. Ruzhitskiy

FROM THE WRITER'S LANGUAGE DICTIONARY TO THE COGNITION OF THE WRITERS'S WORLD: ON SOME BASIC CONCEPTS IN DOSTOYEVSKY'S CREATIVE WORKS

The article describes some basic ideas of the «Dictionary of Dostoevsky's language» concept which, since its creation, has undergone some changes mainly related to the theoretical basis of particular parameters of the Dictionary. The author shows the procedure of finding out idioglossas, the keywords for Dostoevsky's style, in the writer's texts and also idioglossas' relationship to the conceptual sphere of Dostoevsky. The author works out the methodology of the writer's thesaurus constructing based on the idioglossas functioning in Dostoevsky's aphorisms studied, in autonumus statements and in the contexts where the idioglossa's symbolic value appears which refers to the ability of concrete names to get abstract meanings.

In the result the suggestion is made that the centre of Dostoevsky's thesaurus consists of five interrelated concepts – LIFE, DEATH, LOVE, FEAR, ILLNESS (SUFFERING) and LAUGH, that interact with each other in semantic and associative relations, and the thesaurus core is represented by the concept HUMAN BEING. The identified conceptual fields combine the most of idioglossas included in the «Dictionary of Dostoevsky's language».

The observations made in the article intend to show that the dictionary of the writer's language is able to perform not only the reference functions, but also be an effective tool for understanding the author's style peculiarities and the author's linguistic identity.

Key words: *Dostoyevsky's language dictionary, personal identity, thesaurus, symbolic meaning of the word, concept, idioglossa.*